Armen Yu. GASPARYAN, Grigoriy R. KONSON: Interview /
Интервью Г.Р. Консона с А.Ю. Гаспаряном

Russian Journals in Humanities and Social Sciences vs Open Access Policy: Digital Tools, Platforms and Databases

Российские журналы по гуманитарным и общественным наукам в контексте политики открытого доступа: цифровые инструменты, платформы и базы

Abstract. Grigoriy Konson's interview with MD, Associate Professor at the University of Birmingham Armen Gasparyan unravels the key issues of modern Russian science, which is found now at the intersection of diverse trends. One of the main ones is the increasing visibility of Russian-language scientific journals at the international level and digitalization so that they could technically become high-quality and indexable. To do this, *two basic conditions* must be observed: authors must possess all copyrights, and their works must be stored in repositories, that are needed by scientists to gain world visibility and long-term use of published materials. Since the International Conference in Budapest (2001), a global initiative to publish open access scientific papers has been established. This was done so that scholars working with scientific materials could make them publically available and widely use such materials for scientific purposes. Now there is a tendency to open servers, which contain not only published and peer-reviewed works, but also *pre-publication materials*. *Preprint services* became a recent innovation. Media, television, and cinema scholars post scientific materials that have not been published before. This makes it possible to get priority in their writings.

There are also *tools* to promote open access. These are, first of all, digital identifiers of scientific materials and authors. Since 2012, digital author identifiers (Open Researcher and Contributor ID [ORCID]) are widely used in many countries; there are more than 6 million registered users. The digital identifier ORCID is popular among Russian-speaking authors as well, but often they use only part of its capabilities. Information about many Russian-speaking authors is not represented in full on the ORCID platform, which means that their works are not visible to the public.

The development of open access journals is mainly hampered by the hybrid-type periodicals, combining the principles of open and subscription publications. There are a lot of such journals in Russia. The majority of them are about medicine; and as a matter of fact, digitalization is gradually making the traditional subscription wither away. Therefore, professional communities need to take on the responsibility of financing open access publications to allow journals to advance. In the era of open access, plagiarism can be timely discovered, while in subscription journals it is veiled.

Future expectations are that Russian-language periodicals that do not follow new trends in science and publishing can cease to exist. They become bankrupt; they cannot find alternative sources of financing. However, their prestige needs to be enhanced through open access. There should be an increase in the number of multilingual journals that will attract English-language authors.

Keywords: publishing ethics, papers, repositories, expertise, peer review, indexing, archiving, Russian and English speaking, authors, open access academic journals, social platforms

Аннотация. Интервью Григория Консона с доктором медицины, ассоциированным профессором Университета Бирмингема Арменом Гаспаряном посвящено узловым проблемам современной российской науки, находящейся на пересечении многообразных тенденций. Одна из главных — проблема повышения видимости русскоязычных научных журналов на международном уровне и цифровизации, чтобы они в техническом отношении могли стать качественными и индексируемыми. Для этого необходимо соблюдать *два основных условия*: авторы должны обладать всеми авторскими правами, а их труды — сохраняться и архивироваться в репозиториях, которые нужны ученым для получения мировой видимости и длительного пользования опубликованными материалами. Начиная с Международной конференции в Будапеште (2001), была учреждена глобальная инициатива по изданию научных трудов открытого доступа. Это было сделано, чтобы ученые, работающие с научными материалами, могли их публиковать в открытом доступе и широко использовать для науки. Сейчас наблюдается тенденция к открытию серверов, где помещаются не только опубликованные и рецензированные труды, но и *допубликационные материалы*. Недавним открытием явился *препринтсервис*. Ученые в сфере медиа, теле-, кино выкладывают научные материалы, которые ранее опубликованы не были. Это дает возможность получить в своих трудах приоритет.

Есть также *инструменты*, способствующие развитию открытого доступа. Это, в первую очередь, цифровые идентификаторы научных материалов и авторов. С 2012 года цифровые идентификаторы авторов (Open Researcher and Contributor ID [ORCID]) широко используются во многих странах, и зарегистрировано более 6 млн. пользователей этой службы. Цифровой идентификатор ORCID популярен и среди русскоязычных авторов, но его возможности применяются ими лишь частично. Всесторонней информации о многих русскоязычных авторов на платформе ORCID нет. Это значит, что их труды не будут видны общественности.

Основным препятствием к развитию журналов открытого доступа являются «гибридные» журналы, в которых сочетаются принципы подписного издания и открытого. В России таких очень много. В медицине — большинство, а ведь подписка в эру цифровизации постепенно отмирает. Поэтому нужно, чтобы профессиональные сообщества брали на себя обязанность финансировать издания открытого доступа и позволяли журналам развиваться. В эру открытого доступа своевременно выявляется плагиат, тогда как в подписных журналах он вуалируется.

В прогнозах на будущее выясняется, что русскоязычные периодические издания, которые не следуют новым веяниям в науке и издательстве, могут прекратить свое существование. Они становятся банкротами, не могут найти альтернативные источники финансирования. Однако необходимо, чтобы благодаря открытому доступу их престиж возрастал. Должно увеличиться количество полилингвальных журналов, которые будут привлекать англоязычных авторов.

Ключевые слова: издательская этика, статьи, репозитории, экспертиза, рецензирование, индексация, архивация, российские и англоязычные, авторы, научные журналы открытого доступа, социальные платформы

Г.К. *Приветствую тебя, Армен. Расскажи о своей деятельности в российском экспертном совете по оценке научной периодики*.

А.Г. За последние 4 года в нем произошло много изменений. Я работал над экспертизой медицинских, социологических и многих других журналов. Несколько месяцев назад узнал, что перешел из активного совета в резервный (в активном составе остались только российские эксперты). Но в любом случае наше сотрудничество продолжается. Рад тому, что делает О.В. Кириллова и другие члены Ассоциации научных редакторов и издателей, — все это дает реальные результаты.

Г.К. *Пару слов для непосвященного читателя: что такое DOAJ и почему он так важен*?

А.Г. Развитие всех научных журналов идет в сфере повышения их видимости на международном уровне и цифровизации, чтобы они в техническом отношении могли стать качественными и индексируемыми. Начиная с 1950-х годов, интерес к индексированию журналов постоянно повышался. Это было сопряжено с появлением первых индикаторов Impact Factor (IF) Юджина Гарфилда. Он привязан к американской платформе Web of Science, которая включает в себя несколько библиографических баз, и все они подписные. Известно, что с Международной конференции в Будапеште, прошедшей в 2001 году, была проявлена глобальная инициатива по созданию научных трудов открытого доступа. Это было сделано, чтобы ученые, работающие с научными материалами, могли их опубликовать в открытом доступе и использовать для науки. Такое явление в Будапештской декларации, затем в Берлинской, в декларации Бетезда, имела два пункта:

1. Авторы, а не издательства или другое профессиональное сообщество, должны обладать всеми авторскими правами.

2. Любой труд должен сохраняться и архивироваться.

В этой области за последние 15 лет сделано очень многое. Были попытки создать репозитории, в которых ученые и издатели могли бы перманентно архивировать свои труды. Есть несколько служб для разных специалистов, которые ранжируют эти репозитории и сами тоже должны быть индексируемыми. Все они связаны с особым компьютерным языком: XML (Extensible Markup Language). Это нечто в роде HTML (HyperText Markup Language), но еще более удачная версия, которая позволяет оцифровывать рисунки, графики, таблицы. Естественно, что качество репозиториев, которые создаются, должно способствовать перманентной архивации не только в HTML, но и в XML языке. Здесь стоит брать пример с медиков, которые имеют наиболее престижные в мировом масштабе репозитории, как, например, PubMed Central. Из России лишь один журнал издается и архивируется в PubMed Central — «*Acta Naturae*». Он выпускался в МГУ на русском и английском языках, смог добиться не только качества публикации и индексирования в различных библиографических базах, но и репозитирования.

Это — основной путь. Репозитории нужны, чтобы ученые получили мировую видимость, а научные сообщества длительно пользовались опубликованными материалами. Сейчас наблюдается тенденция к открытию серверов, где помещаются не только изданные и рецензированные материалы, а *допубликационные*. Их значение пока еще оценивается не всеми специалистами. Но физики уже знают свой сервер и выкладывают еще не рассматривавшиеся экспертами и неопубликованные труды, чтобы застолбить свое авторство, что является большим преимуществом, поскольку обычно рецензирование в самых «быстрых» оцифрованных журналах длится минимум месяц.

Г.К. *Можно ли сказать, что репозитории — это неформально признаваемый вид общественного патентирования своих идей*?

А.Г. Да. Это касается физиков. Для их трудов существует arXiv.org, для медиков — bioRxiv, социологов — SocArXiv и недавно для всех гуманитариев (специалистов медиа, телевидения, кино) открыли MediArXiv. На этом сервере можно выложить нерецензированный ранее материал. (Естественно, что здесь должен обеспечиваться контроль качества.)

Однако в Евразии (России, Беларуси, Казахстане и ряде других стран) это явление пока еще недооценивается. Видимо, связано это с тем, что все стремятся опубликовать статьи в рецензируемых журналах и только потом где-то их архивировать. *Препринтсервер* еще обсуждается, но действий в отношении выкладки материалов пока нет.

Кроме перманентных репозиториев есть и *институциональные,* в которых специалисты одного и того же учреждения после публикаций своих трудов собирают их, чтобы сотрудники ими пользовались, вели поиск и находили работы своих коллег. Вместе с тем, такому учреждению они создают большой престиж. Видимость любых учреждений повышается за счет институциональных репозиториев в формате HTML и XML. Естественно, что в них можно хранить материалы из YouTube, фильмы, видеостатьи.

Г.К. *Правильно ли я понял, что речь идет о создании специализированных вузовских репозиториев?*

А.Г. По-английски — это institutional repository. Смысл этого понятия в том, что одно учреждение создает для себя цифровой архив, в котором хранит все материалы. В этом вузовском репозитории можно хранить диссертации, методические рекомендации, рациональные предложения, так называемую серую литературу (grey literature) — все, что не опубликовано в журналах и что может быть представлено в открытом доступе.

Г.К. *А в гуманитарных науках — это MediArXiv (медиаркайв)*?

А.Г. Это новая платформа, открытая несколько недель назад: *препринт сервис*. Ученые в области медиа, теле-, кино в открытом доступе выкладывают научные материалы, которые нигде не опубликованы и широкой общественности еще не представлены. Это дает возможность получить в своих трудах приоритет. Многим ученым, скажем, физикам, у которых научные исследования быстро внедряются в практику, нужно установить приоритет в изобретении. Для медиков это важно тоже, особенно для специалистов, которые работают в фундаментальной области. Для гуманитариев труд желательно представить сначала на дополнительном сервере, а потом найти необходимый журнал и вторично опубликовать. В этом процессе важно рецензирование, в которое при мгновенном признании приоритета в исследовании какой-либо конкретной проблемы вспоследствии можно будет внести необходимые научные правки. То есть варианты научного доступа — разные. В мире есть самый крупный научный журнал-гигант: «*Public Library of Science One (PLOS One)*». В нем содержится несколько сот тысяч статей и ежегодно выпускается несколько десятков тысяч. Это рецензируемый журнал и репозиторий. В нем обращают внимание на методические моменты, меньше — на новизну. Фактически его редакция доверяет своим авторам. Выкладывают материал после лингвистического и статистического контроля. А после публикации начинается *постпубликационное рецензирование* со стороны общественности.

Г.К. *Какая специализация у журнала*?

А.Г. Это журнал-репозиторий мирового масштаба, в котором публикуются все специалисты.

Г.К. *Т.е. речь о новом институте публикаций*?

А.Г. Фактически это такой издатель, который выпускает серию цифровых журналов только в онлайн-формате. Там десятки журналов. Один из них — «PLOS One» — полностью охватывает все специальности. Есть много подобных журналов, которые издаются большими издателями, скажем, *Heliyon* от Elsevier — тоже мировой мегажурнал. *SAGE Open* от SAGE — также журнал-репозиторий открытого доступа. Я не могу пока еще привести пример такого же российского журнала, потому что все они узко специализированы. «Киберленинка» — престижный в мировом масштабе репозиторий, цифровая библиотека, но в нем предлагаются уже опубликованные труды, взятые из других журналов. Журнала-репозитория в России нет. Поэтому многие российские авторы и специалисты в медицине, биологии, социологии тоже публикуются в онлайн-журналах. Однако за публикацию статьи в формате «Золотой открытый доступ» надо платить около 2–4 тысяч долларов. Не всем он доступен.

Г.К. *Для чего и для кого создана эта модель*? *Почему автор должен платить такие большие деньги*?

А.Г. Не сам автор. Обычно за него платят грантодатели, которые финансируют его исследования. У многих научных сотрудников, которые имеют подобную поддержку, заложена сумма на архивацию материала в открытом доступе. Это связано со многими факторами, в том числе с длительным рецензированием.

Г.К. *Имеется в виду журнал* «*Nature*»?

А.Г. Нет, это отдельные подписные журналы, которые за определенную плату помогают архивировать материал авторов в гибридном формате. У «*Nature*» и «*Science*» очень высокая цена за включение в открытый доступ. Всем, кто в них печатается, будет выгодно оплатить публикацию, чтобы их в открытом доступе, как и в социальных сетях, обсуждали и цитировали. В «*Nature*», хотя и нечасто, издаются российские авторы.

Г.К. *Какая аудитория в «Nature» и «Science»*?

А.Г. «*Nature*» и «*Science*» — это наиболее престижные журналы. Несмотря на то, что и в них есть изъятия из печати (ретракции), авторитет их является непререкаемым. Авторы не обращают внимание на оплату. Многие журналы открытого доступа сейчас активно развиваются за счет того, что у них есть очень много авторов, которые, читая журналы открытого доступа, тоже хотят в них публиковаться.

Сейчас фактически все мировые грантодатели нацелены на публикации в открытом доступе.

В сентябре 2018 года был создан консорциум одиннадцати европейских грантвыдающих агентств и издательств, которые поддержали «План “Science”» («Plan S») — необычайно престижную инициативу, к чему присоединились Индия и Китай. России здесь пока нет. Идут активные обсуждения этого плана. Но не все согласны с некоторыми пунктами. Потому что крупные подписные издательства, как, например, «Elsevier», не хотят переходить на открытый платный доступ сразу, а лишь постепенно. Однако «Plan S» гибридного варианта не предусматривает. Суть в том, что ученые должны публиковать свою статью и сразу выкладывать ее в журналах открытого доступа или открывать к ней доступ. Такова и тенденция всех издателей — публиковать статьи и выкладывать их без всяких эмбарго, т.е. без временно́й задержки доступа к тексту.

С 2003 года процесс внедрения открытого доступа идет очень медленно. Основное препятствие — «гибридные» журналы, в которых сочетаются принципы подписного издания

и открытого. В России таких очень много. В медицине их большинство. Я рекомендую российским издателям, чтобы они перешли на открытый доступ, потому что подписка не дает возможности журналам развиваться в научном плане и привлекать статьи из многих стран мира. Подписка в эру цифровизации постепенно отмирает. Поэтому нужно, чтобы профессиональные сообщества брали на себя обязанность финансировать издания открытого доступа. Эта модель дает возможность своевременно выявлять плагиат, тогда как в подписных журналах он может оказаться незаметным. Многие журналы, которые хорошо развиваются, сконцентрированы в двух центрах: в Москве и Петербурге. Но в регионах общественность их не читает. Поэтому регионы, которые получают их по подписке, тратят деньги и время. Теряется смысл внедрения нового в науку. В целом в Евразии подписные журналы до сих пор довлеют над журналами открытого доступа. Отношение к ним пока поверхностное. Даже те, что значатся как журналы «открытого доступа», таковыми не являются, потому что они нигде перманентно не архивируются. Пишется, например, что журналы архивированы в РГБ, но ка́к они архивированы — в печатном или цифровом варианте? Важно, как они хранятся. Нужно, чтобы архивировались в цифровом варианте, чтобы общественность ими пользовалась, имея соответствующий доступ. Постепенно, как было отмечено выше, необходимо переходить из подписного формата в открытый, который включают в себя не только свободное прочтение статей, но архивирование, репозитирование, а также пользование в социальных сетях.

Рецензирование в Евразии идет по старинке. Очень много недочетов, на которых останавливаться сейчас не буду. Во всем мире используется, скажем, Twitter. Альтернативная метрика сейчас рассчитывается за счет применения его и других социальных платформ. Они дают возможность качественно «прорецензировать». Последнее беру в кавычки, поскольку общественность читает, замечает недостатки, корректно, дипломатично комментирует статьи. Часто бывали случаи выявления плагиата, который публиковался в открытом доступе. Потом в социальных сетях за рубежом они комментировались и обнаруживались недочеты, плагиат и другие нарушения издательской этики. Чтобы избежать этого, надо обращать внимание на развитие соцсетей и их использования в академических целях. То есть полноценный доступ должен включать в себя деятельность общественности, использующей англоязычные ресурсы. Потому что альтернативная метрика научных статей связана не с российскими службами, подобно «Одноклассникам», а с более академическими соцсетями — Twitter, Facebook, блогами, которые получили большое развитие в Америке, Западной Европе и англоязычных странах. Для повышения уровня метрики статей надо развивать и пользоваться социальными платформами.

Есть также *инструменты* вхождения в журналы открытого доступа. В России к этому пока еще не такое серьезное отношение, как за рубежом. Взять хотя бы «Open Researcher and Contributor ID (ORCID)». Это цифровой идентификатор автора. С 2012 года он широко используется во многих странах и имеет более 6 млн. пользователей этой службы. Цифровой идентификатор есть и в России, но его возможности здесь применяются лишь частично. Заходишь на цифровой идентификатор ORCID многих российских авторов, а информации о них нет. Это значит, что труды этих исследователей не будут видны общественности, и никто не сможет их найти. А ведь это важный элемент открытого доступа. Если есть цифровой идентификатор статьи (Digital Object Identifier [DOI]), видимость публикаций в цифровом пространстве также повышается.

В России открытый доступ получил свое развитие. Много российских журналов вошли в Directory of Open Access Journals (DOAJ). Всего там насчитывается 314 российских журналов, которые позиционируют себя в качестве изданий открытого доступа, и они зарегистрированы на этой престижной платформе. Но из этого количества всего лишь три журнала получили штамп от DOAJ (DOAJ Stamp), то есть штамп качества. Это говорит о неполноценной оцифрованности остальных журналов. Есть моменты, которые касаются авторских прав, лицензий для распространения. В мире более 1000 англоязычных журналов получили знак качества DOAJ Stamp из-за того, что в техническом отношении они хорошо оцифрованы. Может возникнуть вопрос, а какая разница в том, как они оцифрованы? Дело в том, что если статья опубликована в открытом доступе и, не будучи перманентно сохраненной, через несколько лет потеряется.

Есть момент в отношении престижа. Многие журналы, которые считают себя открытыми, весьма часто являются некачественными изданиями открытого доступа, так как не имеют необходимых и четко структурированных элементов. Так, в своих инструкциях не указывают, ка́к авторы могут своими текстами пользоваться, какие лицензии распространяются на эти научные статьи. Нередко отсутствуют сведения о том, является ли данный журнал членом Ассоциации, придерживающейся принципов открытого доступа (Open Access Scholarly Publishers Association [OASPA]). OASPA — единственная глобальная ассоциация открытого доступа. В ней около 130 издателей, но из России нет ни одного. Второй по значимости — Комитет по издательской этике (Committee on Publication Ethics [COPE]) — состоит из более чем 12 тысяч членов. Сюда уже могут входить и издатели, и редакторы. Те, кто становятся членами COPE, должны соблюдать все принципы этики. В COPE есть представители как журналов открытого доступа, так и подписного, и гибридного. Если вы стали членами COPE, значит надо повышать качество статей, следовать этическим принципам и главное — все это отражать в инструкциях авторам.

Я смотрел экспертные заключения по сотням журналов и участвовал в индексировании более 40. И всегда обращаю внимание на инструкцию для авторов. Недавно обратил внимание на журнал Russian Psychological Journal. Он внедрил все пункты, о которых мы говорили. Естественно, что его видимость в международном публикационном пространстве повысилась. Есть еще один хороший журнал, издаваемый в Уфе. Он прошел все этапы: «Music Scholarship» / «Проблемы музыкальной науки». Вошел в Scopus. За последние 2–3 года представлен на платформе Web of Science.

Г.К. *Спасибо. Сам являюсь членом редколлегии этого журнала. В этом году он получил Q1. Фактически я выступил в роли связного между системой Scopus и «Music Scholarship» в течение полутора лет, разъясняя требования Scopus редакции журнала, поскольку на последнем этапе вступления в систему он застрял, а коллеги никак не могли понять, чего от них хотел Scopus (имелись не вполне ясные технические моменты).*

В последние несколько лет соруковожу журналом «Наука телевидения» (The Art and Science of Television). Какое-то время пришлось убеждать своих коллег в необходимости совершенствования издания в соответствии с требованиями зарубежных партнеров, и, когда это удалось, журнал за семестр вошел в DOAJ, Киберленинку и ERIH PLUS[1].

А.Г. Для социологии это очень важно.

---

[1] В июне 2020 года WoS начала индексацию журнала, ее глубина составила на тот момент 10 выпусков — с 1 января 2018 года.
Незадолго перед этим журнал также появился в Ulrih's Periodicals и Stanford Libraries.

Г.К. *Существенно здесь стало то, что при поддержке нескольких коллег мне удалось создать для журнала один из лучших по информативности и рубрикации сайтов в России. А консультировала Наталья Попова — DOAJ Ambassador в России.*

А.Г. Я смотрел информацию об этом журнале в соцсетях. Дальше базы данных будут изучать наполнение тематической ниши. Комментарии, конечно, будут, но пусть журнал не обижается.

Г.К. *Web of Science им заинтересовался, потому что таких телевизионных российских журналов с точки зрения науки об искусстве там нет. Социология есть, но по касательной — в качестве активного контекста. А вообще журнал относится к искусствознанию и культурологии, куда входят научные сферы TV, массмедиа, радио, Интернета, юриспруденции. Недавно разместил в нем статью одного юриста о правовых особенностях в работе с художественными произведениями массмедиа, сопровождаемую критикой российских реалий в противовес зарубежным; включил также свою статью о живописи Ильи Глазунова сквозь призму методологии психологии искусства Л. Выготского и киномонтажа С. Эйзенштейна. Стараюсь, чтобы была задействована узкоспециальная тематика и та, которая с ней чем-то связана. Журнал продвигаю интенсивно, сделал его нишевым. Некоторые статьи бывают такими объемными (2 п.л.), что публикуем их в двух соседних выпусках журнала.*

А.Г. Я понял, что в журнале будет в основном текстовый материал. А как насчет изображений, которые размещаются на YouTube, а потом становятся частью статьи, чтобы читаемого материала было меньше?

Г.К. *Появились.*

А.Г. Их очень сложно оцифровывать.

Г.К. *У нас они качественные. В статье о Глазунове и его современниках, естественно, было много цветного изобразительного материала.*

А.Г. В этих журналах тоже есть платформа, за счет чего тоже идет развитие. «Music Scholarship» взял платформу Open Journal System (OJS). Но ты, наверное, хорошо знаешь Elpub. Там уже примерно 100 российских журналов, которые хорошо представлены на этой платформе. Это тоже шаг вперед в плане открытого доступа. Через данную платформу можно проводить и рецензирование, вследствие чего повышается прозрачность публикаций.

Г.К. *Здесь есть проблема. Я беседовал с руководством вуза, являющегося учредителем журнала, о необходимости специального места. Максимум, чего удалось добиться — это закрепленной локации на сайте вуза*[2]*. Это тоже встречается нередко, однако имеются более удачные решения. Так, например, место в СПбГУ для журналов университета нравится мне больше. Там шире возможности, есть вкладочки, имеющие свой адрес.*

Что касается «Науки телевидения», отмечу, что, когда я пришел в журнал, там сначала не было ни DOI, ни ISSN на электронную версию. Более того, в нашей консервативной и тенденциозной области люди не знают и не хотят знать, зачем нужны различные идентификаторы, тем более на электронные варианты? Достучаться до подобногосознания довольно сложно.

А.Г. Сейчас без *eISSN* и *DOI* невозможно.

Г.К. *Возвращаясь к PLOS One, который, как ты показал выше, является крупным международным издателем нового типа, агрегатор информации, куда приходит большое*

[2] В апреле 2020 года собственный сайт у журнала появился (прим. ред.-сост.).

количество статей на уровне препринтов, потом они размещаются, а затем идет элементарное рецензирование в журнале, хотел бы отметить, что в России я хотел учредить институт пострецензирования, то есть рецензирования на рецензирование. Это давняя моя мечта.

А.Г. *Это очень хорошая идея.*

Г.К. *Пытался ее реализовать в специальных разделах ключевых журналов. Диссертации у нас обсуждались всегда, а сами отзывы оппонентов на диссертацию и на автореферат — никогда. Введение института рецензирования на отзывы оппонентов способствовало бы повышению уровня и качества отзывов, лучше репрезентировало сами диссертации, а в конечном счете развивало научную мысль страны.*

А.Г. Эти рецензии надо публиковать на какой-то платформе, чтобы они также имели свои DOI, и их обсуждала бы общественность.

Г.К. *Разумеется. Лидером в данной сфере можно считать Вестник по искусствоведению СПбГУ. Я смотрел его масштабные рецензии (до 50 страниц каждая) на хорошем академическом английском.*

А.Г. 50 страниц рецензия?

Г.К. *Да. По пунктам разбиралась статья одного профессора из Бостонского университета, почему он не прав, почему передергивает факты, выявляя связи между Купереном и Ватто, хотя до недавнего времени такой подход считался в науке об искусстве новым словом.*

Когда я выступаю с лекциями и мастер-классами, рассказывая об особенностях подготовки журналов в базы цитирования, нередко натыкаюсь на полное неведение: у россиян сознание зациклено на том, что бесплатно опубликоваться нельзя. Закупают даже целые выпуски журналов. При этом стоить они должны много, а качество — неважно. Кроме того, коллеги в большой своей массе не понимают, что, опубликовав рецензию на какое-то творческое или общественное событие, тоже можно попасть в Web of Science. Более того, в России в области гуманитарных наук сам я создал жанр академических интервью, которые в составе сборника по предыдущей конференции теперь индексируются Web of Science Core Collection. Это новое явление, на которое ученый люд смотрит с «перевернутыми» глазами. Но в действительности — это полнометражная академическая публикация. В таких интервью я, Григорий Консон, говорю, например, с тобой, Арменом Гаспаряном о проблемах открытого доступа к публикационным материалам. Мне удалось записать аналогичные научные беседы с вице-президентом РАН, академиком Алексеем Хохловым, членом Президентского совета по науке и образованию, ведущим кристаллографом мира Артемом Огановым, Генеральным директором РГБ Вадимом Дудой, ученым секретарем диссертационного совета Кембриджского университета, главой музыкальных штудий Клэр-колледжа Мариной Флоровой-Уокер.

А.Г. Это огромный труд.

Г.К. *Да, надо найти человека, деятельность которого представляет большой общественный интерес, оказывающая на развитие социума прямое влияние, затем удобное время и место, провести интервью, а потом изложить его в виде связного текста. На расшифровку одного обычно уходит, как минимум, неделя. Но зато открывается широкая панорама ви́дения разных проблем гуманитаристики в ее взаимосвязи с другими науками — социальными и даже техническими. Ученые не привыкли так работать. Однако в беседе они раскрываются, а потом думают, зачем я это сказал, правда, получилось неплохо.*

А.Г. Действительно, в обсуждении выкристаллизовываются многие идеи и факты. А рецензии можно отправлять на англоязычную платформу Publons. В мировом масштабе она, являясь частью Clarivate, может их выложить, и тогда будет результат для российских и евразийских рецензентов.

Г.К. *Publons — это все-таки англоязычная платформа*?

А.Г. Нет, рецензенты могут выкладывать материалы русскоязычных журналов.

Г.К. *А они переводятся*?

А.Г. Нет. Но основное содержание рецензент может представить на русском, а, так сказать, отчетная информация будет на английском, чтобы в *Publons* поняли содержание и смогли архивировать. И потом, получив за эту рецензию благодарность от издателя на английском языке, отправить в *Publons*. Тогда она будет выложена на их платформе. Однако только на русском сделать это было бы сложно.

Г.К. *Отчетная информация — это что*?

А.Г. Сведения о том, кто писал отзыв на рукопись, как она называлась, в каком журнале на английском языке. И, разумеется, журнал этот должен иметь свой профиль на Publons.

Г.К. *Но сама рецензия никем на английский не переводится*?

А.Г. Если они захотят перевести и открыть к ней доступ, тогда с Publons должны договориться.

Г.К. *Если бы авторы делали рецензии на родных языках и при этом Publons их мотивировал своим переводом на английский, тогда многих консервативных ученых такое нововведение бы подстегнуло*.

А.Г. Так и в РИНЦ это возможно. Качество российских рецензий значительно бы повысилось.

Г.К. *Российские авторы не очень любят это делать. Поступают по принципу: зачем мне это*? *И в парадоксальной связке с этим: почему меня там еще нет*?

А.Г. Все здесь зависит от специальности. В гуманитарных науках есть сферы, которые абсолютно не интересуют мировую общественность. Каких-то авторов, скажем, из Калифорнии, Филадельфии может не интересовать российская литература. К тому же, их эксперты не будут индексировать статьи, где нет даже резюме на английском языке. А есть области, в которых авторам надо обязательно, чтобы их статьи читались за рубежом, поскольку без этого не будет должного развития их специализации. Поэтому на английском надо учиться писать, причем сразу первую версию статьи. Очень много публикует издательство «Наука», но часто — это переводные статьи. Несмотря на наличие искусственного интеллекта (компьютерного перевода), язык надо знать. Искусственный интеллект может сам писать статьи и книги, но он имеет свои недостатки. Понятно, что российские авторы сначала будут думать по-русски, а потом переводить на английский. Но мало, кто будет интересоваться статьями на плохом английском языке. По этой причине страдают наукометрические показатели, и цитирование находится на нуле. Времени на чтение всей статьи обычно нет. Поэтому, если в заглавии есть ошибки, дальше эксперты читать не будут. Кроме того, всем специалистам, независимо от языка, надо быть грамотными и научиться профессионально делать ссылки. Одному научному факту, одной идее должна соответствовать одна или несколько ссылок. Но давать большие тексты на 2–3 страницы с одной только ссылкой нельзя. Интереса для мировой общественности они не представляют. Их даже не стоит подавать в те базы данных (Scopus или в Web of Science), которые ориентированы на ссылки: материалы не пройдут. Поэтому, если будут отказы, обижаться не стоит.

В Web of Science для гуманитариев есть Arts and Humanities Citation Index, где не важен уровень цитирования, но все же оценивается оформление ссылок, списков литературы. Вы подаете журнал в базу Web of Science, которая находится в Филадельфии. Естественно, что экспертов интересуют ссылки на зарубежные источники. Они хотят видеть ссылки на своих писателей, а если там представлены исключительно русские имена (Бунин, Булгаков, Пастернак), такая тематика может не подойти. Хотя я знаю, что «Литературная газета» десятилетиями привлекала к обсуждению статей, где участвовали не только литераторы, но и представители самых разных профессий. Поэтому надо стремиться к тому, чтобы узкоспециализированные статьи выходили на международный уровень, отчего будет идти развитие и в самих специальностях.

В телевидении и кино можно использовать большие возможности цифровизации. YouTube — это тоже порождение открытого доступа. С учетом всех этических норм публиковать видео- и кино-статьи, рассматривать их как научные труды. В России в настоящее время развивается *видеонаука*, основанная на видеоматериалах. Мы сейчас работаем над видеостатьей, идет обсуждение. Итог будет выложен в открытый доступ в виде статьи. Это новое направление, которое возникает в результате открытого доступа. Естественно, что в скором времени мы должны будем задуматься над видео-журналами. Есть всего лишь один такой известный журнал — «*The Journal of Visualized Experiments*». Он индексирован, архивирован, имеет высокий IF. Но пока предназначен только для медиков, биологов и представителей смежных специальностей. Социологам и гуманитариям надо использовать другие возможности. Смотреть, как у других, как развиваются медицинские журналы, становиться членами редакторских ассоциаций, как, например, COPE.

Г.К. *А что надо, чтобы стать членом* COPE?

А.Г. Необходимо, чтобы журнал соблюдал все принципы этики, которые выложены на сайте этой ассоциации. Они одинаковы для всех: и для социологов, и для гуманитариев.

Г.К. *В базе данных Scopus на твои статьи существует порядка 3 тысяч ссылок. И индекс Хирша за последние 5 лет тоже зашкаливает — 23. Это нереальная ситуация даже для самого узнаваемого ученого, если только он не лауреат Нобелевской премии.*

А.Г. Нет, Грег. Лауреат нобелевской премии может сделать одну статью и стать известным.

Г.К. *Спасибо за поправку. Я говорю о специализации ученых. На гуманитариев ссылаются гораздо меньше. Посмотрел на тематику твоих статей. Одни посвящены медицинским или биомедицинским проблемам, другие — вопросам издательской этики. По количеству ссылок они равновалентны. Каковы причины такого высокого цитирования твоих статей в обеих сферах*?

А.Г. До всех публикаций в Scopus у меня были статьи по медицине на русском языке. Они нигде не цитировались и никого не интересовали. Все началось с 2007 года, когда я перешел в Учебный центр Университета Бирмингема. Стал заниматься в лаборатории, опубликовал пару статей и сразу понял, какой интерес они вызывают в своей узкой специальности. Начал составлять отзывы, вошел в разные журналы как рецензент, понял значимость этой деятельности в международных британских журналах. После этого стал работать над научной коммуникацией, издательской этикой, редактированием. С 2011 года являюсь членом президиума престижной европейской Ассоциации научных редакторов (European Association of Science Editors), а также редактором научного журнала «European

Science Editing». Заведовал им 4 года, много для него сделал, контактировал со специалистами всего мира, постоянно расширяя с ними контакты. Изначально этот журнал имел биомедицинское направление. Но со временем постарался привлечь не только медиков, но и математиков, лингвистов, статистиков. В 2012 году вышел на отдел индексирования ВИНИТИ в России, что расширило мои интересы. Стал публиковать материалы, которые оказались интересными не только для англичан и американцев, но и для развивающихся стран — Пакистана, Индии, Ирана. Потом встретился с известным специалистом Джеффри Биллом, который был приглашен в Россию. Благодаря продвижению его идей о хищнических издателях и журналах, значительное число таких журналов исключили из РИНЦ.

Г.К. *Ну и правильно же сделали*?

А.Г. Да, но многие сейчас задумались, что же будет, если начнут выкидывать журналы открытого доступа? Самым крупным издательством, который раскритиковал Дж. Билл, оказался «Hindawi» (Египет) с оборотом в 1 млрд долларов в год. В России ситуация с хищническими журналами очень серьезна. Но в настоящее время авторы статей стали понимать, что́ такое хищнические журналы, за что с них берут деньги и сто́ит ли их давать. Однако все журналы открытого доступа заинтересованы в их взимании за статьи. Даже PLOS One, публикующий много научных трудов, берет за них плату, но в нем зато — самый высокий уровень ретракции (изъятия) статей, потому что после публикации выявляются грубые ошибки. В блоге PLOS One даются комментарии собственного издателя через газеты. А в России, например, специалисты не обращают внимания на газеты и их оцифровывание, они публикуются только в журналах. Но нужно развивать и газеты.

За рубежом открытые журналы используют альтернативную метрику. Она учитывает социальную активность пользователей: кто сколько раз прочел эту статью и через какие истоки ее распространил (Twitter и другие каналы). И комментарии в цифровом варианте тоже анализируют. Платформа Almetric смотрит англоязычные газеты и блоги. Самый известный блог — «RetractionWatch». Любая заметка в этом журнале сразу повышает альтернативную метрику статьи. Есть изъятые из журналов статьи, которые, тем не менее, имеют высокий уровень альтернативной метрики. Но это, конечно, негативный пример. В положительном аспекте тоже надо ее развивать. Пока не будет культуры общения, научной коммуникации через Twitter, научная значимость социальных платформ будет крайне низка. За рубежом это поняли быстро. Альтернативная метрика повышает престиж и статьи, и самого автора, и цитируемость.

Г.К. *Еще раз по поводу открытости: если, например, зайти на сайт Oxford Journals, полнотекстовый доступ без внесения платы блокируется, доступным будет только Most read* (*наиболее читаемый*) *раздел, если только запрос текста осуществляется, например, не из Ленинки, с которой у ряда зарубежных университетов подписан договор, благодаря чему возможно изучать материалы.*

А.Г. Оксфордского издателя не нужно учитывать (Oxford University Press). Он доступен всем, даже если это подписное гибридное издание. Его продукция есть во всех библиотеках. Конечно, он берет за это плату, и его за это критикуют.

Г.К. *Несмотря на инновации в РГБ, в целом в России академическая общественность гуманитарного и отчасти общественного профиля находится в информационно-исследовательском вакууме, причем у отечественного читателя психология такая:* «*Ура! Так тут же все закрыто*». *Радость по поводу того, что это не моя проблема, а зарубежных издателей, поэтому я не обязан знать.*

А.Г. Это довольно ущербное мышление, сформированное на основе узкодоступного чтения — использования только того, что в печатном формате и только на русском языке. Но сейчас — 100-процентная доступность. DOAJ дает возможность использовать многое, что находится в открытом доступе. Несколько иной пример: Scopus тоже стали критиковать за то, что он, индексируя часть журналов в открытом доступе, не учитывает это при оформлении подписки университетам. Однако в Scopus дается наиболее качественная информация и наиболее полный охват источников. Поиск по нему — вообще обязателен для всех специальностей.

Г.К. *Мне время от времени приходит что-то на рецензию и в этой связи на месяц предоставляется открытый доступ к Scopus. Но ничего не открывается. Меня даже переадресовали в амстердамский главк. Однако доступа к ним я так и не получил.*

А.Г. Доступ они в качестве благодарности дают после экспертизы.

Г.К. *Прогностический аспект: как ты видишь модель открытого доступа, рецензирования, рынка появления новых моделей, иными словами — что нас ждет*?

А.Г. В России будут пользоваться традиционными методами, т.е. подпиской, что обеспечивает определенную выгоду. Библиотеки тоже будут в этом участвовать. Их финансирование во всем мире снижается, и они не станут подписываться на журналы. Фактически создастся ситуация, когда издатели задумаются, как можно идти на открытый доступ и за счет него оплачивать расходы своим авторам? Единственный надежный источник — это университеты, которые должны создавать исследовательские гранты, закладывать в них определенную сумму на публикации в открытом доступе и платить авторам гонорары за счет собственных средств.

Другие источники — это те, что поддерживаются каким-нибудь профессиональным сообществом, без чего они не смогут индексироваться в открытом доступе. Пусть они озаботятся и узнают, ка́к действуют в других странах? В Южной Корее все журналы имеют открытый доступ. Ситуация журналов в России, которые работают по старинке, резко ухудшается, они становятся банкротами, не могут найти альтернативные источники финансирования. А нужно, чтобы их престиж, благодаря использованию открытого доступа, возрастал. Должно увеличиться количество полилингвальных журналов и тех, что изначально публикуются на английском языке, ибо все специалисты общаются на английском языке. Я также хочу, чтобы в России отошли от абсолютизации импакт-факторов и от всяческих квартилей, которые отечественную науку в основном разрушают. России надо придерживаться Сан-Францисской декларации (San Francisco Declaration on Research Assessment [DORA]: https://sfdora.org), которая признает значимость качества статьи, а не того, сколько раз ее процитировали.

Г.К. *Ты думаешь, что это возможно*?

А.Г. Результат будет. Нужно повысить информированность авторов и редакторов, чтобы они углубили свои знания в наукометрии и альтернативной метрике. Найдите в России 10 престижных журналов и, независимо от наукометрических показателей, развивайте их.

Г.К. *Армен, позволь поблагодарить тебя за высказанный комплекс идей, имплементация которых, как я полагаю, может существенно улучшить академическое публикационное поле России.*

Armen Yu. GASPARYAN
MD, Associate Professor, Researcher, Teaching Trust at the University of Birmingham

ГАСПАРЯН Армен Юрьевич
Доктор медицины, ассоциированный профессор, научный сотрудник, учебный центр Университета Бирмингема

a.gasparyan@gmail.com

Grigoriy R. KONSON
D.Sc. (in Art History), D.Sc. (in Cultural Studies), Professor at the HSE University, Member of the Council of the Master's program *Philosophical Dialogue between Russia and France*—the St. Petersburg State University and Sorbonne University, Chief Research Fellow at the GITR Film & Television School, Scientific Editor of the *Art and Science Television* Journal

КОНСОН Григорий Рафаэльевич
Доктор искусствоведения, доктор культурологии, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член совета основной образовательной программы магистратуры «Dialogue philosophique entre Russie et France / Философский диалог России и Франции» Санкт-Петербургского государственного университета — университета Париж–Сорбонна, главный научный сотрудник Института кино и телевидения (ГИТРа), научный редактор академического журнала «Наука телевидения»

grkonson@gmail.com